

Александр Грин

Слепой Дей Канет

Александр Грин
Слепой Дей Канет

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Слепой Дей Канет / А. С. Грин — «Public Domain», 1916

Он был трагическим актёром...

Александр Степанович Грин Слепой Дей Канет

Юс, сторож деревянных складов у сельца Кипа, лежащего на берегу реки Милет, закусив так плотно, что стало давить под ложечкой, в хорошем расположении духа сидел у синей воды, курил и думал, что, тратя каждый день на еду тридцать копеек, сможет носить каждую субботу в сберегательную кассу ровно три рубля, которые, если относиться к этому делу внимательно и любовно, дадут через десять лет сумму в тысячу пятьсот рублей. Юс отведет душу, вознаградив жадное тело за лишения прошлого роскошным пиршеством с женщинами, вином, сигарами, песнями и цветами, а на остальные купит трактир и женится. Вот он, победитель жизни, богатый трактирщик Юс, идет в праздник с женой по улице... Все снимают шапки... Бьют барабаны...

Юс, размечтавшись, встал; ему не сиделось более; он хотел еще раз взглянуть на главную улицу Кипы, где будет стоять трактир.

На улице, где куры полоскались в пыли и в предвечернем солнце рдели оконные стекла, ни души не было, только слепой Дей Канет сидел, как всегда, на лавочке у цветочного палисада дяди Эноха. Дей был человеком лет сорока с красивым, бледным, неживым лицом (благодаря слепоте). Нищий, но опрятный костюм Дея не производил жалкого впечатления, – в спокойной позе и закрытых глазах слепого было нечто решительное.

Дей Канет жил в Кипе около месяца. Никто не знал, откуда он пришел, и сам он никому не сказал об этом. И ничего никому не сказал о себе, – совсем.

Услышав шаги, слепой повернул голову. Юс любил подразнить Дея, – слепой был ненавистен ему. Как-то раз у дяди Эноха сторож в присутствии Дея распространился о «разных проходимцах, желающих сесть на шею людям трудящимся и почтенным»; Энох покраснел, а Дей спокойно заметил: «Я рад, что совсем не вижу более злых людей».

– Как же, – сказал Юс умильным тоном, присаживаясь на скамейку Дея, – вы вышли полюбоваться прекрасной погодой?

– Да, – помолчав, мягко сказал Дей.

– Погода удивительная. Как горы ясно видны! Кажется, рукой достанешь.

– Да, – согласился Дей, – да.

Юс помолчал. Глаза его весело блестели; он оживился, он чувствовал даже некоторую благодарность к Дею за бесплатное развлечение.

– Как неприятно все-таки, я думаю, ослепнуть, – продолжал он, стараясь не рассмеяться и говоря деланно-соболезнующим тоном. – Большое, большое, я думаю, страданье: ничего не видеть. Я вот, например, газету могу читать в трех шагах от себя. Честное слово. Ах, какая кошечка хорошенькая пробежала! Как вы думаете, Канет, отчего на этих горах всегда лежит снег?

– Там холодно, – сказал Дей.

– Так, так... А почему он кажется синим?

Дей не ответил. Ему начинала надоедать эта игра в «кошку и мышку».

«Ладно, молчи, – подумал Юс, – я вот сейчас проколю тебя».

– Вы видите что-нибудь? – спросил он.

– Не думаю, – сказал, улыбнувшись, Дей, – да, едва ли я вижу что-нибудь теперь.

– Ах, какая жалость! – вздохнул Юс. – Жаль, что через несколько лет вы не увидите моего прекрасного трактира. Да, да! Впрочем, едва ли вы видели вообще что-нибудь, даже пока не ослепли.

От собственного своего раздражения, не получившего отпора, Юс впал в угрюмость и замолчал. Набив трубку и задымив, он покосился на Дея, сидевшего с лицом, подставленным солнцу. Прошла минута, другая, – вдруг Дей сказал:

– Однажды я играл в столичном королевском театре.

От неожиданности Юс уронил трубку, – Дей никогда не говорил о себе.

– Как-с? Что-с? – растерянно спросил он.

Дей, мягко улыбаясь, продолжал ровным, веселым голосом:

– ...Играл в театре. Я был знаменитым трагиком, часто бывал во дворце и очень любил свое искусство. Так вот, Юс, я выступал в пьесе, действие которой приблизительно отвечало событиям того времени. Дело в том, что висело на волоске быть или не быть некоему важному, государственного значения, мероприятию, от чего зависело благо народа. Король и министры колебались. Я должен был провести свою роль так, чтобы растрогать этих высокопоставленных лиц, – склонить, наконец, решиться на то, что было необходимо. А это трудно, – трудная задача предстояла мне, Юс. Весь двор присутствовал на спектакле.

Когда после третьего действия упал занавес, а затем снова шумно взвился, чтобы показать меня, вызываемого такими аплодисментами, какие подобны буре, – я вышел и увидел, что весь театр плачет, и увидел слезы на глазах самого короля и понял, что я сделал свое дело хорошо. Действительно, Юс, я играл в тот вечер так, как если бы от этого зависела моя жизнь.

Дей помолчал. В неподвижной руке Юса потухла трубка.

– Решение было принято. Чувство победило осторожность. Затем, Юс, выйдя уже последний раз на сцену, чтобы проститься со зрителями, я увидел столько цветов, сколько было бы, если бы собрать все цветы Милетской долины и принести сюда. Цветы эти предназначались мне.

Дей смолк и задумался. Он совершенно забыл о Юсе. Сторож, угрюмо встав, направился к своему шалашу, и хотя летний день, потеряв ослепительность зенита, еще горел над горами блеском дальних снегов, казалось Юсу, что вокруг глухого сельца Кипы, и в самом сельце, и над рекой, и везде стало совсем темно.